

Александр Александрович Блок

Поэмы 1897-1906 годов
(Полное собрание стихотворений)

Содержание

НЕОКОНЧЕННАЯ ПОЭМА (Bad Nauheim. 1897–1903)0004
1	0004
2	0005
3	0006
4	0007
ЕЕ ПРИБЫТИЕ	0008
1. РАБОЧИЕ НА РЕЙДЕ0008
2. ТАК БЫЛО0010
3. ПЕСНЯ МАТРОСОВ	0011
4. ГОЛОС В ТУЧАХ0012
5. КОРАБЛИ ИДУТ	0014
6. КОРАБЛИ ПРИШЛИ	0015
7. РАССВЕТ	0016
НОЧНАЯ ФИАЛКА Сон0018

Александр Блок
ПОЭМЫ 1897–1906 ГОДОВ

НЕОКОНЧЕННАЯ ПОЭМА (Bad Nauheim. 1897–1903)

1

Я видел огненные знаки
Чудес, рожденных на заре.
Я вышел — пламенные маки
Сложить на горном алтаре.
Со мною утро в дымных ризах
Кадило в голубую твердь,
И на уступах, на карнизах
Бездымно испарялась смерть.
Дремали розовые башни,
Курились росы в вышине.
Какой-то призрак — сон вчерашний
Кривлялся в голубом окне.
Еще мерцал вечерний хаос —
Восторг, достигший торжества,—
Но всё, что в пурпур облекалось,
Шептало белые слова.
И жизнь казалась смутной тайной...
Что в утре раннем, полном сна,
Я вскрыл, мудрец необычайный,

Чья усмехнулась глубина?

2

Там, на горах, белели виллы,
Алели розы в цепком сне.
И тайна смутно нисходила
Чертой, в горах неясной мне.
О, как в горах был воздух кроток!
Из парка бешено зывал
И спорил с грохотом пролеток
Веками стиснутый хорал.
Там — к исцеляющим истокам
Увечных кресла повлеклись,
Там — в парке, на лугу широком,
Захлопал мяч и lawn-tennis;[1]
Там — нить железная гудела,
И поезда вверху, внизу
Вонзали пламенное тело
В расплавленную бирюзу.
И в двери, в окна пыльных зданий
Врывался крик продавщика
Гвоздик и лилий, роз и тканей,
И cartes postales, и kodak'a.[2]

Я понял: шествие открыто,—
Узор явлений стал знаком.
Но было смутно, было слито,
Терялось в небе голубом.
Она сходила в час веселый
На городскую суету.
И тихо возгорались доли,
Приемля горную мечту...
И в диком треске, в зыбком гуле
День уползал, как сонный змей...
Там счастьем в очи не взглянули
Миллионы сумрачных людей.

Ее огнем, ее Вечерней
Один дышал я на горе,
А город грохотал безмерней
На возрастающей заре.
Я шел свободный, утоленный...
А день в померкшей синеве
Еще вздыхал, замороженный,
И росы прятались в траве.
Они сверкнут завтра снова,
К встанет Горная — средь роз,
У склона дымно-голубого,
В сияньи золотых волос...
12 мая 1904

ЕЕ ПРИБЫТИЕ

1. РАБОЧИЕ НА РЕЙДЕ

Окаймлен летучей пеной,
Днем и ночью дышит мол.
Очарованный сиреной,
Труд наш медленный тяжел.
Океан гудит под нами,
В порте блещут огоньки,
Кораблей за бурунами
Чутко ищут маяки.
И шатают мраки в море
Эти тонкие лучи,
Как испуганные зори,
Проскользнувшие в ночи.
Широки ночей объятья,
Тяжки вздохи темноты!
Все мы близки, все мы братья —
Там, на рейде, в час мечты!
Далеко за полночь — в дали
Неизведанной земли —
Мы печально провожали
Голубые корабли.

Были странны очертанья
Черных труб и тонких рей,
Были темные названья
Нам неведомых зверей.
«Птица Пен» ходила к югу,
Возвратясь, давала знак:
Через бурю, через вьюгу
Различали красный флаг...
Что за тайну мы хранили,
Чьи богатства стерегли?
Золотые ль слитки плыли
В наши темные кули?
Не чудесная ли птица
В клетке плечи нам свела?
Или черная царица
В ней пугливо замерла?..
Но, как в сказке, люди в море:
Тяжкой ношей каждый горд.
И, туманным песням вторя,
Грохотал угрюмый порт.

2. ТАК БЫЛО

Жизнь была стремленьем.
Смерть была причиной
Не свершенных в мире
Бесконечных благ.
Небо закрывалось
Над морской равниной
В час, когда являлся
Первый светлый флаг.
Ночи укрывали
От очей бессонных
Всё, что совершалось
За чертой морей.
Только на закате
В зорях наклоненных
Мчались отраженья,
Тени кораблей.
Но не все читали
Заревые знаки,
Да и зори гасли,
И — лицом к луне —
Бледная планета,
Разрывая мраки,
Знала о грядущем

Безнадежном дне.

3. ПЕСНЯ МАТРОСОВ

Подарило нам море
Обручальное кольцо!
Целовало нас море
В загорелое лицо!
Приневестилась
Морская глубина!
Неневестная
Морская быстрина!
С ней жизнь вольна,
С ней смерть не страшна,
Она, матушка, свободна, холодна!
С ней погуляем
На вольном просторе!
Синее море!
Красные зори!
Ветер, ты, пьяный,
Трепли волоса!
Ветер соленый,
Неси голоса!
Ветер, ты, вольный,
Раздуй паруса!

4. ГОЛОС В ТУЧАХ

Нас море примчало к земле одичалой
В убогие кровы, к недолгому сну,
А ветер крепчал, и над морем звучало,
И было тревожно смотреть в глубину.
Больным и усталым — нам было завидно,
Что где-то в морях веселилась гроза,
А ночь, как блудница, смотрела бесстыдно
На темные лица, в больные глаза.
Мы с ветром боролись и, брови нахмуря,
Во мраке с трудом различали тропу...
И вот, как посол нарастающей бури,
Пророческий голос ударил в толпу.
Мгновенным зигзагом на каменной круче
Торжественный профиль нам брызнул в
глаза,
И в ясном разрыве испуганной тучи
Веселую песню запела гроза:
«Печальные люди, усталые люди,
Проснитесь, узнайте, что радость близка!
Туда, где моря запевают о чуде,
Туда направляется свет маяка!
Он рыщет, он ищет веселых открытий
И зорким лучом стережет буруны,

И с часу на час ожидает прибытий
Больших кораблей из далекой страны!
Смотрите, как ширятся полосы света,
Как радостен бег закипающих пен!
Как море ликует! Вы слышите — где-то —
За ночью, за бурей — взыванье сирен!»
Казалось, вверху разметались одежды,
Гремящую даль осенила рука...
И мы пробуждались для новой надежды,
Мы знали: нежданная Радость близка!..
А там — горизонт разбудили зарницы,
Как будто пылали вдали города,
И к порту всю ночь, как багряные птицы,
Летели, шипя и свистя, поезда.
Гудел океан, и лохмотьями пены
Швырялись моря на стволы маяков.
Протяжной мольбой завывали сирены:
Там буря настигла суда рыбаков.

5. КОРАБЛИ ИДУТ

О, светоносные стебли морей, маяки!
Ваш прожектор — цветок!
Ваша почва — созданье волненья,
Песчаные косы!
Ваши стебли, о, цвет океана, крепки,
И силен электрический ток!
И лучи обещают спасенье
Там, где гибнут матросы!
Утро скажет: взгляни: утомленный работою,
Ты найдешь в бурунах
Обессиленный труп,
Не спасенный твоею заботой,
С остывающим смехом на синих углах
Искривившихся губ...
Избежавший твоих светоносных лучей,
Преступивший последний порог...
Невидим для очей,
Через полог ночей
На челе начертал примиряющий Рок:
«Ничей».
Ты нам мстишь, электрический свет!
Ты — не свет от зари, ты — мечта от земли,

Но в туманные дни ты пронзаешь лучом
Безначальный обман океана...
И надежней тебя нам товарища нет:
Мы сквозь зимнюю вьюгу ведем корабли,
Мы заморские тайны несем,
Мы под игом ночного тумана...
Трюмы полны сокровищ!
Отягченные мчатся суда!..
Пусть хранит от подводных чудовищ
Электричество — наша звезда!
Через бурю, сквозь вьюгу — вперед!
Электрический свет не умрет!

6. КОРАБЛИ ПРИШЛИ

Океан дремал зеркальный,
Злые бури отошли.
В час закатный, в час хрустальный
Показались корабли.
Шли, как сказочные феи,
Вымпелами даль пестря.
Тяжело согнулись реи,
Наготове якоря.
Пели гимн багряным зорям,
Вся горя, смеялась даль.
С голубым прощальным морем

Разлучаться было жаль.
А уж там — за той косою —
Неожиданно светла,
С затуманенной красою
Их красавица ждала...
То — земля, о, дети страсти,
Дети бурь, — она за вас!—
Тяжело упали снасти.
Весть ракетой понеслась.

7. РАССВЕТ

Тихо рассыпалась в небе ракета,
Запад погас, и вздохнула земля.
Стали на рейде и ждали рассвета,
Ночь возвращенья мечте уделя.
Сумерки близятся. В утренней дреме
Что-то безмерно-печальное есть.
Там — в океане — в земном водоеме —
Бродит и плещет пугливая весть...
Белый, как белая птица, далёко
Мерит и выси и глуби — и вдруг
С первой стрелой, прилетевшей с востока,
Сонный в морях пробуждается звук.
Смерть или жизнь тяготеет над морем,
Весть о победе — в полете стрелы.

Смертные мы и о солнце не спорим,
Знаем, что время готовить хвалы.
Кто не проснулся при первом сияньи —
Сумрачно помнит, что гимн отзвучал,
Чует сквозь сон, что утратил познание
Ранних и светлых и мудрых начал...
Но с кораблей, испытавших ненастье,
Весть о рассвете достигла земли:
Буйные толпы, в предчувствии счастья,
Вышли на берег встречать корабли.
Кто-то гирлянду цветочную бросил,
Лодки помчались от пестрой земли.
Сильные юноши сели у весел,
Скромные девушки взяли рули.
Плыли и пели, и море пьянело...

.....

Ноябрь — 16 декабря 1904 (1918)

НОЧНАЯ ФИАЛКА

Сон

Миновали случайные дни
И равнодушные ночи,
И, однако, памятно мне
То, что хочу рассказать вам,
То, что случилось во сне.
Город вечерний остался за мною.
Дождь начинал моросить.
Далеко, у самого края,
Там, где небо, устав прикрывать
Поступки и мысли сограждан моих,
Упало в болото,—
Там краснела полоска зари.
Город покинув,
Я медленно шел по уклону
Малозастроенной улицы,
И, кажется, друг мой со мной.
Но если и шел он,
То молчал всю дорогу.
Я ли просил помолчать,
Или сам он был грустно настроен,
Только, друг другу чужие,

Разное видели мы:

Он видел извощичьи дрожки,
Где молодые и лысые франты
Обнимали раскрашенных женщин.

Также не были чужды ему
Девицы, смотревшие в окна
Сквозь желтые бархатцы...

Но всё посерело, померкло,
И зреньё у спутника — также,
И, верно, другие желанья
Его одолели,

Когда он исчез за углом,
Нахлобучив картуз,
И оставил меня одного

(Чем я был несказанно доволен,
Ибо что же приятней на свете,
Чем утрата лучших друзей?).

Прохожих стало всё меньше.

Только тощие псы попадались навстречу,
Только пьяные бабы ругались вдали.

Над равниною мокрой торчали
Кочерыжки капусты, березки и вербы,
И пахло болотом.

И пока прояснялось сознание,
Умолкали шаги, голоса,

Разговоры о тайнах различных религий,
И заботы о плате за строчку,—
Становилось ясней и ясней,
Что когда-то я был здесь и видел
Все, что вижу во сне, — наяву.
Опустилась дорога,
И не стало видно строений.
На болоте, от кочки до кочки,
Над стоячей и ржавой водой
Перекинуты мостики были,
И тропинка вилась
Сквозь лилово-зеленые сумерки
В сон, и в дрёму, и в лень,
Где внизу и вверху,
И над кочкою чахлой,
И под красной полоской зари,—
Затаил ожидание воздух
И как будто на страже стоял,
Ожидая расцвета
Нежной дочери струй
Водяных и воздушных.
И недаром всё было спокойно
И торжественной встречей полно:
Ведь никто не слышал никогда
От родителей смертных,

От наставников школьных,
Да и в книгах никто не читал,
Что вблизи от столицы,
На болоте глухом и пустом,
В час фабричных гудков и журфиксов,
В час забвенья о зле и добре,
В час разгула родственных чувств
И развратно длинных бесед
О дурном состояньи желудка
И о новом совете министров,
В час презренья к лучшим из нас,
Кто, падений своих не скрывая,
Без стыда продает свое тело
И на пыльно-трескучих троттуарах
С наглой скромностью смотрит в глаза,—
Что в такой оскорбительный час
Всем доступны виденья.
Что такой же бродяга, как я,
Или, может быть, ты, кто читаешь
Эти строки, с любовью иль злобой,—
Может видеть лилово-зеленый
Безмятежный и чистый цветок,
Что зовется Ночною Фиалкой.
Так я знал про себя,
Проходя по болоту,

И увидел сквозь сетку дождя
Небольшую избушку.
Сам не зная, куда я забрел,
Приоткрыл я тяжелую дверь
И смущенно встал на пороге.
В длинной, низкой избе по стенам
Неуклюжие лавки стояли.
На одной — перед длинным столом —
Молчаливо сидела за пряжей,
Опустив над работой пробор,
Некрасивая девушка
С неприметным лицом.
Я не знаю, была ли она
Молода иль стара,
И какого цвета волосы были,
И какие черты и глаза.
Знаю только, что тихую пряжу пряла,
И потом, отрываясь от пряжи,
Долго, долго сидела, не глядя,
Без забот и без дум.
И еще я, наверное, знаю,
Что когда-то уж видел ее,
И была она, может быть, краше
И, пожалуй, стройней и моложе,
И, быть может, грустили когда-то,

Припадая к подножьям ее,
Короли в седилах голубых.
И запомнилось мне,
Что в избе этой низкой
Веял сладкий дурман,
Оттого, что болотная дрёма
За плечами моими текла,
Оттого, что пронизан был воздух
Зацветаньем Фиалки Ночной,
Оттого, что на праздник вечерний
Я не в брачной одежде пришел.
Был я нищий бродяга,
Посетитель ночных ресторанов,
А в избе собрались короли;
Но запомнилось ясно,
Что когда-то я был в их кругу
И устами касался их чаши
Где-то в скалах, на фьордах,
Где уж нет ни морей, ни земли,
Только в сумерках снежных
Чуть блестят золотые венцы
Скандинавских владык.
Было тяжело опять приступить
К исполненью сурового долга,
К поклоненью забытым венцам,

Но они дожидались,
И, грустя, засмеялась душа
Запоздалому их ожиданью.
Обходил я избу,
Руки жал я товарищам прежним,
Но они не узнали меня.
Наконец, за огромною бочкой
(Верно, с пивом), на узкой скамье
Я заметил сидящих
Старика и старуху.
И глаза различили венцы,
Потускневшие в воздухе ржавом,
На зеленых и древних кудрях.
Здесь сидели веками они,
Дожидаясь привычных поклонов,
Чуть кивая пришельцам в ответ.
Обойдя всех сидевших на лавках,
Я отвесил поклон королям,
И по старым, глубоким морщинам
Пробежала усталая тень;
И привычно торжественным жестом
Короли мне велели остаться.
И тогда, обернувшись,
Я увидел последнюю лавку
В самом темном углу.

Там, на лавке неровной и шаткой,
Неподвижно сидел человек,
Опершись на колени локтями,
Подпирая руками лицо.
Было видно, что он, не старея,
Не меняясь, и думая думу одну,
Прогрустил здесь века,
Так что члены одеревенели,
И теперь, обреченный, сидит
За одною и тою же думой
И за тою же кружкой пивной,
Что стоит рядом с ним на скамейке.
И когда я к нему подошел,
Он не поднял лица, не ответил
На поклон, и не двинул рукой.
Только понял я, тихо взглядевшись
В глубину его тусклых очей,
Что и мне, как ему, суждено
Здесь сидеть — у недопитой кружки,
В самом темном углу.
Суждена мне такая же дума,
Так же руки мне надо сложить,
Так же тусклые очи направить
В дальний угол избы,
Где сидит под мерцающим светом,

За дремотой четы королевской,
За уснувшей дружиной,
За бесцельною пряжей —
Королевна забытой страны,
Что зовется Ночною Фиалкой.
Так сажу я в избе.
Рядом — кружка пивная
И печальный владелец ее.
Понемногу лицо его никнет,
Скоро тихо коснется колен,
Да и руки, не в силах согнуться,
Только брякнут костями,
Упадут и повиснут.
Этот нищий, как я, — в старину
Был, как я, благородного рода,
Стройным юношей, храбрым героем,
Обольстителем северных дев
И певцом скандинавских сказаний.
Вот обрывки одежды его:
Разноцветные полосы тканей,
Шитых золотом красным
И поблекших.
Дальше вижу дружину
На огромных скамьях:
Кто владеет в забвеньи

Рукою меча;
Кто, к щиту прислонясь,
Увязил долговязую шпору
Под скамьей;
Кто свой шлем уронил, — и у шлема,
На истлевшем полу,
Пробивается бледная травка,
Обреченная жить без весны
И дышать стариной бездыханной.
Дальше — чинно, у бочки пивной,
Восседают старик и старуха,
И на них догорают венцы,
Озаренные узкой полоской
Отдаленной зари.
И струятся зеленые кудри,
Обрамляя морщин глубину,
И глаза под навесом бровей
Огоньками болотными дремлют.
Дальше, дальше — беззвучно прядет,
И прядет, и прядет королевна,
Опустив над работой пробор.
Сладким сном одурманила нас,
Опоила нас зельем болотным,
Окружила нас сказкой ночной,
А сама всё цветет и цветет,

И болотами дышит Фиалка,
И беззвучная кружится прялка,
И прядет, и прядет, и прядет.
Цепенею, и сплю, и грущу,
И таю мою долгую думу,
И смотрю на полоску зари.
И проходят, быть может, мгновенья,
А быть может, — столетья.
Слышу, слышу сквозь сон
За стенами раскаты,
Отдаленные всплески,
Будто дальний прибой,
Будто голос из родины новой,
Будто чайки кричат,
Или стонут глухие сирены,
Или гонит играющий ветер
Корабли из веселой страны.
И нечаянно Радость приходит,
И далекая пена бушует,
Зацветают далёко огни.
Вот сосед мой склонился на кружку,
Тихо брякнули руки,
И приникла к скамье голова.
Вот рассыпался меч, дребезжа.
Щит упал. Из-под шлема

Побежала веселая мышка.
А старик и старуха на лавке
Прислонились тихонько друг к другу,
И над старыми их головами
Больше нет королевских венцов.
И сажу на болоте.
Над болотом цветет,
Не старея, не зная измены,
Мой лиловый цветок,
Что зову я — Ночною Фиалкой.
За болотом остался мой город,
Тот же вечер и та же заря.
И, наверное, друг мой, шатаясь,
Не однажды домой приходил
И ругался, меня проклиная,
И мертвецким сном засыпал.
Но столетья прошли,
И продумал я думу столетий.
Я у самого края земли,
Одинокий и мудрый, как дети.
Так же тих догорающий свод,
Тот же мир меня тягостный встретил.
Но Ночная Фиалка цветет,
И лиловый цветок ее светел.
И в зеленой ласкающей мгле

Слышу волн круговое движенье,
И больших кораблей приближенье,
Будто вести о новой земле.
Так заветная прялка прядет
Сон живой и мгновенный,
Что нечаянно Радость придет
И пребудет она совершенной.
И Ночная Фиалка цветет.
18 ноября 1905 — 6 мая 1906

Примечания

Лаун-тенис (англ.).

[^^^]

2

Cartes postales (фр.) — почтовые открытки;
Kodak — марка фотоаппаратов.

[^^^]